

ЗАНУЦКУ
УУМЪ ПАЪ

• 2018 •

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE
FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
No. 19

St. Petersburg
2018

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

№ 19

Санкт-Петербург
2018

ББК 63.4

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2018. № 19. 206 с.

ISSN 2310-6557

Transactions of the Institute for the History of Material Culture. St. Petersburg: IHMC RAS, 2018. No. 19. 206 p.

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (гл. редактор), В. А. Алёшкин, С. В. Белецкий, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Л. Б. Вишняцкий, М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо (заместитель гл. редактора), А. К. Очердной

Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, M. Yu. Vakhtina, Yu. A. Vinogradov, L. B. Vishnyatsky, M. T. Kashuba, L. B. Kircho (deputy editor), A. K. Otcherednoi

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, В. Я. Стёганцева, Е. В. Новгородских

Publishing group: L. B. Kircho, V. Ya. Stegantseva, E. V. Novgorodskikh

В № 19 «Записок ИИМК РАН» представлены научные работы, отражающие новейшие открытия и исследования в области археологии и древней истории. Раздел «Статьи» открывает серия работ С. Н. Астахова, П. Е. Нехорошева и А. К. Каспарова по проблемам палеолита Сибири. Л. Б. Вишняцкий на материалах неолита западной части Евразии приводит аргументы в пользу гипотезы об учащении и ужесточении вооруженных конфликтов по мере становления и развития производящего хозяйства. В статье Л. Б. Кирчо прослежены истоки контактов Южного Туркменистана и Южного Таджикистана в эпоху бронзы. Д. Г. Савинов и В. В. Бобров публикуют эталонный памятник андроновской культуры. В еще одной статье Д. Г. Савинов сформулировал гипотезу образования скифо-сибирского культурного пространства. М. Т. Кашуба обосновывает конвергентное появление ранних фибул Кавказа. В обширной работе А. Лухтанаса и О. В. Полякова развенчивается гипотеза о миграциях западнобалтского племени галиндов в Западную Европу. В статье Е. Н. Носова и Н. В. Хвоцинской на широком историческом фоне прослежена судьба княжеского храма начала XI в. на Рюриковом городище под Новгородом. Изучению Старой Ладogi посвящены работы А. Н. Кирпичникова, В. А. Лапшина, Н. В. Григорьевой и П. А. Милыева. А. И. Сакса реконструирует историю застройки одного из участков Выборга на протяжении XV — начала XVIII вв. В разделе «Рецензии» проведен подробный разбор двухтомной публикации материалов уникального древнерусского некрополя X — начала XI в. на территории Пскова.

Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музеоведам, студентам исторических факультетов вузов.

The papers included in the 19th issue of the “Transactions of IHMC RAS” reflect recent discoveries and advances in archaeology and ancient history. The section of Research Papers opens with a series of works by S. N. Astakhov, P. E. Nehoroshev and A. K. Kasparov devoted to the problems of the Paleolithic of Siberia. L. B. Vishnyatsky uses the materials from the Neolithic of Western Eurasia to argue in favor of the hypothesis which links the increase in frequency and scale of armed conflicts with the formation and development of producing economy. The paper by L. B. Kircho traces the beginnings of contacts between South Turkmenistan and South Tajikistan in the Bronze Age. D. G. Savinov and V. V. Bobrov describe an important site of the Andronovo culture. In another paper, D. G. Savinov presents his hypothesis of the formation of the Scythian-Siberian cultural space. M. T. Kashuba makes the case for convergent appearance of the earliest fibulae in the Caucasus. The extensive paper by A. Luchtanass and O. V. Poljakov debunks the hypothesis that the West Baltic tribe of Galindans migrated to the west of Europe. E. N. Nosov and N. V. Khvoshchinskaya elucidate the history of the princely Church of Annunciation built in the early XI c. at Ryurik Gorodishche near Novgorod. The works by A. N. Kirpichnikov, V. A. Lapshin, N. V. Grigorieva and P. A. Milyaev deal with the study of Staraya Ladoga. A. I. Saksa reconstructs the building history of a homesite in Vyborg during the XV — early XVIII c. The section of Reviews contains a detailed analysis of the two-volume publication of materials from the unique Old Russian necropolis of the X — early XI c. in the city of Pskov.

The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museum workers, and students of historical faculties.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>С. Н. Астахов, П. Е. Нехорошев.</i> Новые находки палеолита в Туве	7
<i>С. Н. Астахов.</i> Шурфы-шахты для добычи каменного сырья в палеолите на Титовской Сопке	13
<i>А. К. Каспаров, П. Е. Нехорошев.</i> К вопросу о возрасте и типе верхнепалеолитических памятников Берёзовский разрез 1 и 2	20
<i>Л. Б. Вишняцкий.</i> Наконечники в костях. База данных для позднего каменного века западной Евразии	36
<i>Л. Б. Кирчо.</i> Путь на восток (контакты Южного Туркменистана и Южного Таджикистана в III тыс. до н. э.)	56
<i>Д. Г. Савинов, В. В. Бобров.</i> Эталонный памятник андроновской культуры в Кемеровской области	70
<i>М. Т. Каишуба.</i> Ранние фибулы Кавказа в работах Ю. Н. Воронова	80
<i>Д. Г. Савинов.</i> К теории образования скифо-сибирского культурного пространства	91
<i>И. Ю. Шауб.</i> О ритуальной функции веретена из погребения «царицы» в кургане Куль-Оба	103
<i>А. Лухтанас, О. В. Поляков.</i> Галинды на просторах Европы — археологическая, историческая, лингвистическая реальность или вымысел?	112
<i>Е. Н. Носов, Н. В. Хвоцинская.</i> Древний ров Рюрикова городища и судьба княжеского храма Благовещения 1103 г.	137
<i>А. Н. Кирпичников, В. А. Лапшин, Н. В. Григорьева.</i> Об одном типе построек раннесредневековой Ладogi	148
<i>В. А. Лапшин, П. А. Миляев.</i> Новые исследования на Варяжской улице в Старой Ладoge	157
<i>С. В. Белецкий.</i> Граффито из собора Юрьева монастыря близ Новгорода	165
<i>А. И. Сакса.</i> Выборг, строительная история межевого участка у дома 8 по ул. Выборгская	173

РЕЦЕНЗИИ

<i>Е. Н. Носов, Н. В. Хвоцинская.</i> Открытия погребальных памятников на территории г. Пскова (на пороге археологической сенсации)	191
---	-----

AD MEMORIA

<i>С. В. Красниенко.</i> Памяти Э. Б. Вадецкой (1936–2018)	202
Список сокращений	204

CONTENTS

RESEARCH PAPERS

<i>S. N. Astakhov, P. E. Nehoroshev.</i> New discoveries of Paleolithic sites in Tuva	7
<i>S. N. Astakhov.</i> Paleolithic stone quarry mines on Titovskaya Sopka	13
<i>A. K. Kasparov, P. E. Nehoroshev.</i> On the age and type of the Upper Paleolithic sites Berezovskiy razrez 1 and Berezovskiy razrez 2	20
<i>L. B. Vishnyatsky.</i> Projectiles in bones. A database for the Late Stone Age of Western Eurasia	36
<i>L. B. Kircho.</i> Road to the east (contacts between South Turkmenistan and South Tajikistan in the III millennium BC)	56
<i>D. G. Savinov, V. V. Bobrov.</i> Reference site of the Andronovo culture in the Kemerovo oblast	70
<i>M. T. Kashuba.</i> Early Caucasian fibulae in Yu. N. Voronov's works	80
<i>D. G. Savinov.</i> Towards the theory of formation of the Scythian-Siberian cultural space.....	91
<i>I. Yu. Schaub.</i> On the ritual function of the spindle from the “Queen” burial in the Kul-Oba barrow	103
<i>A. Luchtanas, O. V. Poljakov.</i> Galindans on the expanses of Europe — archaeological, historical, linguistic reality or fiction?	112
<i>E. N. Nosov, N. V. Khvoshchinskaya.</i> Ancient ditch of Ryurik Gorodishche and the destiny of the princely Church of Annunciation built in 1103	137
<i>A. N. Kirpichnikov, V. A. Lapshin, N. V. Grigorieva.</i> About one type of buildings in Early Medieval Ladoga	148
<i>V. A. Lapshin, P. A. Milyaev.</i> New research on Varyazhskaya street in Staraya Ladoga	157
<i>S. V. Beletsky.</i> Graffito from the Cathedral of the Yuriev monastery near Novgorod	165
<i>A. I. Saksa.</i> Vyborg: the construction history of a boundary area near building No. 8 on Vyborgskaya street	173

BOOK REVIEWS

<i>E. N. Nosov, N. V. Khvoshchinskaya.</i> Discoveries of burial sites on the territory of Pskov (on the threshold of an archaeological sensation)	191
--	-----

AD MEMORIA

<i>S. V. Krasnienko.</i> To the memory of E. B. Vadetskaya (1936–2018)	202
List on abbreviations	204

ЭТАЛОННЫЙ ПАМЯТНИК АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Д. Г. САВИНОВ¹, В. В. БОБРОВ²

Ключевые слова: андроновская культура, локальный вариант, могильник, погребения, состав инвентаря, вертикально установленные объекты, биритуализм, трупосожжение, керамика.

Андроновская эпоха — важная в истории и культурогенезе скотоводческих племен восточных областей степной Евразии. На современном этапе исследования памятников середины II тыс. до н. э., или андроновской культурно-исторической общности, к числу приоритетных направлений принадлежат анализ их регионального своеобразия и изучение особенностей культурогенеза в отдельных ареалах расселения андроновских племен. Благодаря активным археологическим исследованиям на территории Кемеровской обл. здесь открыто и изучено достаточное количество подобных памятников. Одним из них является могильник Юрман I, включающий около 10 погребальных сооружений, три из которых были раскопаны и дали новые интересные материалы к пониманию андроновского культурного комплекса в целом. Зафиксированы глубокие могильные ямы, отмеченные слоем светлого грунта на поверхности (белый цвет — цвет зороастризма), обычай установки на перекрытии деревянных столбов, доходящих до уровня древней поверхности (средство коммуникации между миром живых и мертвых). Найдены бронзовый кинжал срубно-андоновского типа в одном из погребений (редчайший случай для этого времени) и в углу погребальной камеры — не один, а несколько сосудов. Отмечены особенности орнамента керамики и пр. По всем этим показателям могильник Юрман I для кемеровского варианта андроновской культуры является эталонным.

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-19-70-79

Особое место в отечественной археологии занимают андроновские древности, история изучения которых насчитывает около 90 лет. Повышенное внимание к ним объясняется целым рядом исследовательских проблем: обширность ареала расселения андроновских племен (степь и лесостепь Южного Урала, Средней Азии и Казахстана, Западной и Южной Сибири), исторические последствия, вызвавшие

¹ Кафедра археологии, Институт истории, СПбГУ, 190034, г. Санкт-Петербург, Россия.

² Кафедра археологии, Институт истории и международных отношений, Кемеровский ГУ, 650000, г. Кемерово, Россия.

появление андроновцев-скотоводов, особенно в восточных и северных районах их обитания, как и загадочность происхождения, вопросы этнической и лингвистической принадлежности, особенности историко-культурных процессов в период их появления на исторической арене.

По основополагающему вопросу о культурной атрибуции памятников прослеживается следующая эволюция представлений: от единой монолитной андроновской культуры (Теплоухов 1927; 1929) с локальными территориальными вариантами западным и восточным (Грязнов 1927) — к культуре с внутренними хронологическими этапами развития (Сальников 1951; 1967; Грязнов 1956: 14–25; Комарова 1962; Максименков 1978; Матющенко 1973; подробная библиография см.: Кузьмина 1988; Потёмкина 1985; Зданович 1988), и далее — к андроновской культурно-этнической общности с двумя самостоятельными алакульской и фёдоровской культурами (Стоколос 1972; Фёдорова-Давыдова 1973; Потёмкина 1985; Кузьмина 1975; 1985; Косарев 1965; 1981; Молодин 1985; Кирюшин 1985). Изучение андроновских древностей восточных районов ареала (Средний Енисей, Обь-Чулымское междуречье, Верхняя Обь) проходило в русле общей историографической тенденции, но со своими особенностями, которые определялись региональной спецификой памятников. В культурном и хронологическом отношении материалы восточных районов оставались и остаются более однородными (восточный вариант андроновской культуры, фёдоровский этап культуры, фёдоровская культура андроновской общности). В связи с этим один из авторов настоящей работы подверг сомнению правомерность выделения андроновской культурно-исторической общности и предположил возможность существования в ее ареале двух генетически разных культур: алакульской и андроновской (Бобров 1992б: 16).

На современном этапе исследования андроновской культуры восточных районов Западной Сибири среди важнейших в ее изучении является анализ локального своеобразия в погребальной практике и в характере орнамента керамики. При изучении имеющихся материалов с учетом социологической интерпретации погребальных комплексов сформировались две гипотезы: об относительно трансформированном облике андроновской культуры в равнинных лесостепных районах (Барабинская лесостепь, Томское Приобье — см.: Бобров, Михайлов 1989: 103) и о ее гомогенности в межгорных котловинах (Бобров 1992б: 35; Бобров, Михайлов 1989: 101–103). Проверка этих гипотез требует накопления качественно новых комплексов и, прежде всего, материалов из горных районов. При этом особо следует выделить изолированную таежными массивами и горными хребтами Кузнецкую котловину, которая была теснее связана с верхнеобской лесостепью, чем Чулымско-Енисейская и Сыда-Ербинская котловины. Новые материалы из этих районов имеют важное значение, одним из таких памятников является могильник Юрман I.

Могильник Юрман расположен на высоком ровном плато в 5 км к востоку от с. Каменка Промышленновского р-на Кемеровской обл. и состоит из двух частей: 1) группа больших курганов эпохи средневековья — всего 20 сооружений (Юрман II); 2) группа курганов андроновской культуры — всего 10–12 сооружений, часть из которых распахана (Юрман I). В 1993 г. на могильнике Юрман I выборочно были раскопаны три кургана (рис. 1–3).

До начала раскопок курганы представляли собой сильно уплотненные округлые земляные насыпи размерами 14 × 12 м (кург. 1), 12 × 10 м (кург. 2), 10 × 10 м (кург. 3)

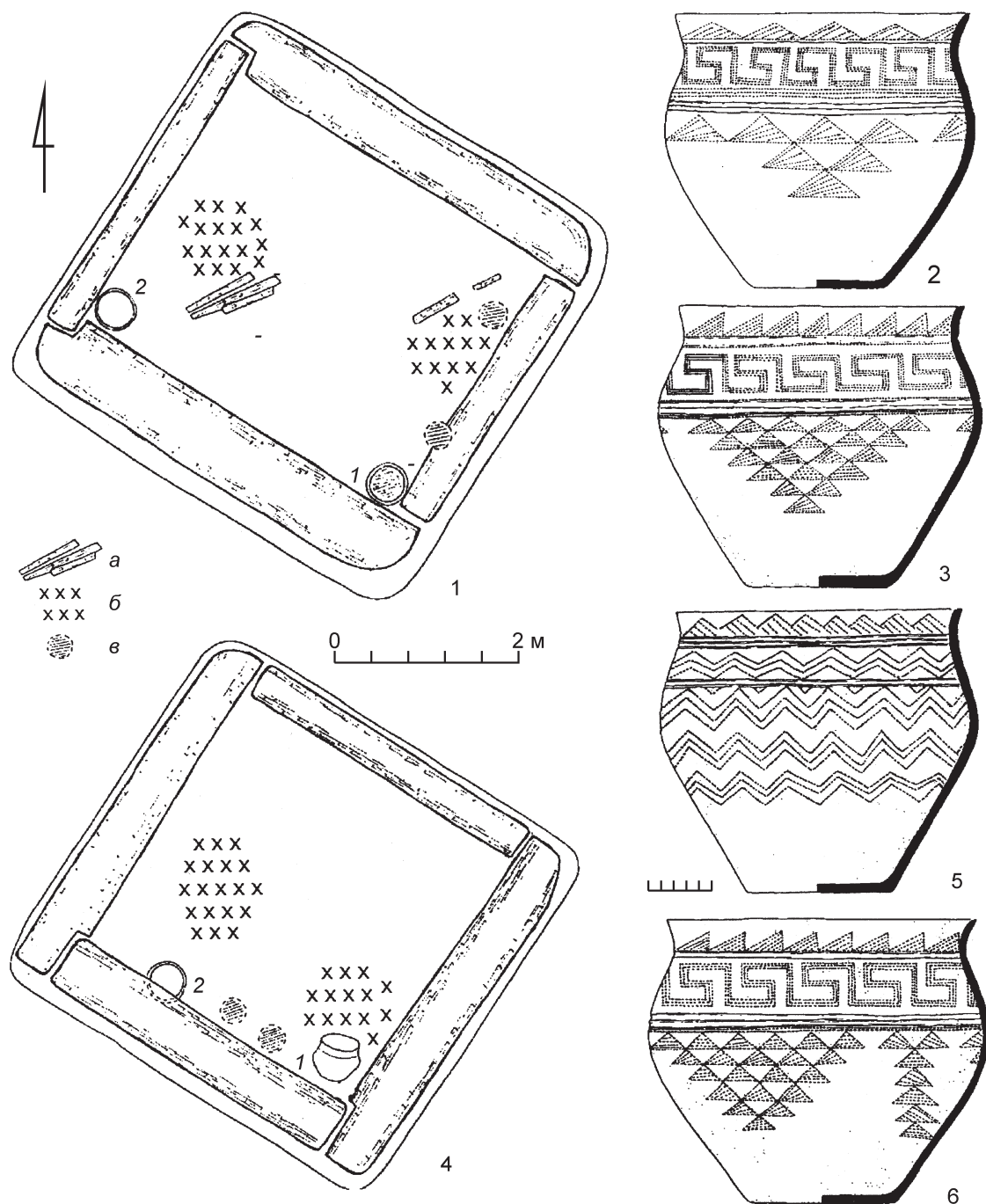

Рис. 1. Могильник Юрман I, кург. 1. 1-3 — мог. 1: 1 — план (1-2 — сосуды; а — доски; б — остатки сожжения; в — основания столбов); 2 — сосуд 1; 3 — сосуд 2. 4-6 — мог. 2: 4 — план (1-2 — сосуды, а-в — см. выше); 5 — сосуд 1; 6 — сосуд 2

Fig. 1. Yurman I cemetery, barrow 1. 1-3 — grave 1: 1 — plan (1-2 — vessels, а — wooden planks, б — remains of cremation, в — bases of posts); 2 — vessel 1; 3 — vessel 2. 4-6 — grave 2: 4 — plan (1-2 — vessels, а-в — see above); 5 — vessel 1; 6 — vessel 2

и высотой в среднем 0,5–0,6 м. На поверхности всех курганов не было видно следов ограбления; однако попытки подобного рода действий предпринимались, так как во всех бровках, наряду с валиками выброса материкового грунта, зафиксированы грабительские шахты, сходящие на «клин» в средней части заполнения могильных ям. Сами же погребения, расположенные глубже, остались непотревоженными.

Могильные ямы по верху заложены материковым грунтом (светлоокрашенная песчанистая супесь) и четко выделялись на более темном фоне древней поверхности. Во всех случаях погребения располагались несколько асимметрично относительно центра земляных насыпей, что, скорее всего, объясняется их ветровой эрозией. Под насыпью кургана 1 находились два погребения, расположенных рядом по оси СЗ–ЮВ (мог. 1 и 2); под насыпями кург. 2 и 3 — по одному погребению. Могильные ямы имели квадратную форму со слегка округленными углами, их размеры варьировали от 2,4 × 2,4 м (кург. 1, мог. 1) до 2,8 × 2,8 м (кург. 2). Ямы ориентированы углами по сторонам света, глубина колеблется от 1,6 до 1,95 м. В придонной части могил оставлены материковые приступки шириной 0,25–0,3 м, на которые опирались перекрытия погребальных камер.

Внутри могильные сооружения представляли собой деревянные камеры в виде прямоугольных или почти квадратных составных рам из мощных лиственничных плах, размерами в среднем 2,2 (2,1) × 2,2 (2,3) м. Эти камеры также ориентированы углами по сторонам света. В кург. 1 и 3 внутримогильные конструкции были собраны следующим образом: продольные стенки рам, сделанные из широких плах или обработанных брусьев, толщиной до 40–50 см, снаружи имели округленные торцы, внутренние стороны которых были снабжены специальными плоскими выемками, куда вставлены концы более тонких поперечных плах (рис. 1, 1, 4; 3, 1). В кург. 2 рама имеет более простую конструкцию из четырех тонких бревен, положенных концами «впритык» друг к другу (рис. 2, 1). Все камеры перекрыты такими же плахами или обработанными досками, уложенными с интервалами в направлении ЮЗ–СВ. Эти плахи были покрыты сверху берестой. На некоторых из наиболее массивных плах, образующих раму, сделаны зарубы в виде 3–4 параллельных линий, вероятно, для разметки плах при доставке их к месту захоронения. Дно камер — грунтовое, с меловой подсыпкой.

В кург. 1 и 3 зафиксированы деревянные столбы диаметром 15–20 см, опиравшиеся нижним концом на перекрытие камер, а верхним, судя по сохранившимся остаткам, выходящие на уровень древней поверхности. В каждом из погребений в кург. 1 было установлено по два таких столба на расстоянии 0,20 и 0,55 м друг от друга, а в кург. 3 — один столб у северо-западной стенки могильной ямы (рис. 1, 1, 4; 3, 1).

Раскопанные курганы отличаются друг от друга обрядом погребения. В двух из них (кург. 1 и 3) обнаружены трупосожжения, причем кремация совершена на стороне. В каждом из погребений кург. 1 находился прах двух кремированных людей, а в кург. 3 — прах одного. В момент раскопок трупосожжения представляли собой овальные в плане (размерами 0,5 × 0,3 м) скопления мелких фрагментов кальцинированных костей, золы и угля, очевидно, первоначально помещенные в специально сделанные деревянные обкладки, от которых на дне камер сохранились деревянные плашки, ограничивающие место, куда были положены кремированные останки (рис. 1, 1, 4; 3, 1). Около всех трупосожжений в углах погребальных камер были поставлены глиняные сосуды, причем на одном из них (кург. 1, мог. 1) сохранилась

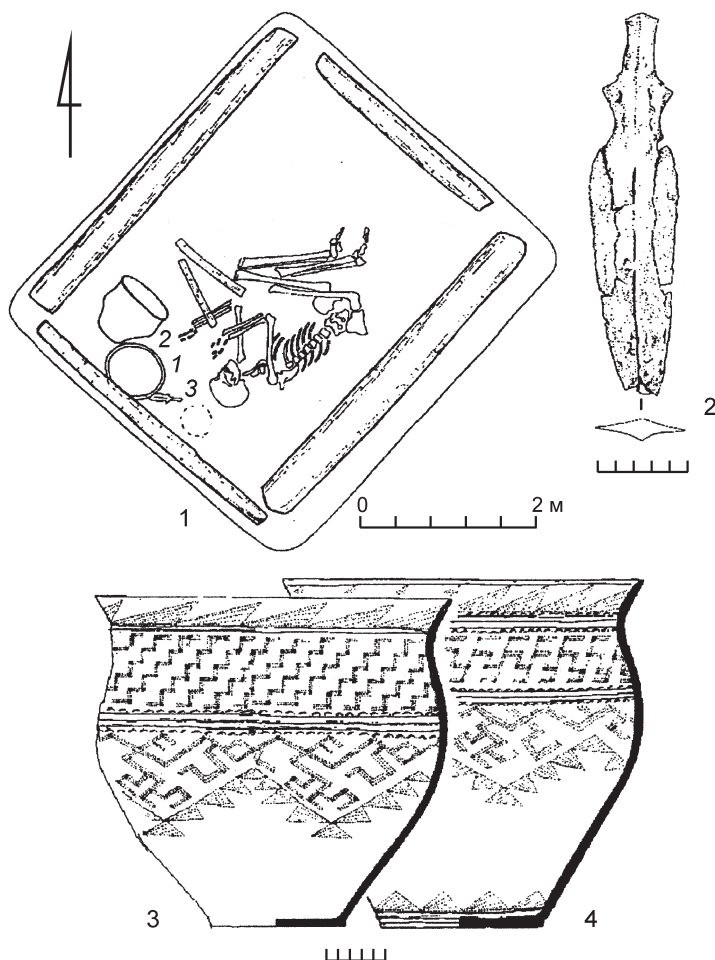

Рис. 2. Могильник Юрман I, кург. 2, мог. 1: 1 — план (1–2 — сосуды; 3 — бронзовый нож); 2 — нож; 3 — сосуд 2; 4 — сосуд 1

Fig. 2. Yurman I cemetery, barrow 2, grave 1: 1 — plan (1–2 — vessels; 3 — bronze knife); 2 — knife, 3 — vessel 2, 4 — vessel 1

круглая деревянная крышка (рис. 1, 1). В кург. 3, где обнаружено одно трупосожжение, помещенное между двумя деревянными плашками, найдено шесть сосудов: четыре и два, соответственно, в западном и северном углах погребальной камеры (рис. 3, 1).

В кург. 2 зафиксирована ингумация. Умерший мужчина (35–40 л.) — лежал в скорченном положении на левом боку, его ноги были сильно подогнуты, руки сложены перед «лицом», голова ориентирована на ЮЗ (рис. 2, 1). Фаланги пальцев рук и ног, а также кости предплечья скелета окрашены охрой. За головой погребенного и в западном углу камеры находились два больших глиняных сосуда. Под одним из них лежал бронзовый черешковый кинжал с листовидным клинком с продольной нервюрой и слегка намеченным перекрестием (рис. 2, 2). Здесь же и в северном углу камеры найдены ребра животного, костяные круглые бляшки и несколько мелких, практически несохранившихся деревянных предметов неизвестного назначения.

Основную часть погребального инвентаря из раскопанных курганов составляет керамика — это небольшая, но достаточно показательная серия, как с точки зрения общей культурной характеристики, так и специфики данного памятника.

Керамический комплекс включает 12 сосудов, среди которых четыре морфологически относятся к «классическим» андроновским горшкам, два — к банкам открытого типа с прямыми стенками, а остальные сосуды не отличаются четко выраженными признаками.

Горшки из кург. 2 выделяются большими размерами (высота их равна диаметру устья; сосуд № 1 — 31 см, сосуд № 2 — 30 см) и характером орнаментации, выполненной в «меандровом» стиле. Венчики орнаментированы заштрихованными косыми треугольниками, поле плечиков, отделенное каннелюрами, на одном сосуде заполнено соединенными фигурами в виде неполной «свастики» (рис. 2, 4), на другом — изображениями в виде «змейки» (рис. 2, 3). Тулово декорировано сложным меандровым узором, обрамленным зигзагообразной лентой из заштрихованных треугольников. Придонная часть сосудов украшена каннелюрами, в одном случае, кроме каннелюр, имеется цепочка заштрихованных равнобедренных треугольников (рис. 2, 4). Обряд трупоположения, наличие кинжала и пышность узора сосудов подчеркивают особый социальный статус погребенного в кург. 2.

В кург. 1 каждому погребенному было поставлено по одному сосуду одинакового размера, причем горшки в мог. 1 имели однотипный орнамент: заштрихованные треугольники по венчику, меандр по плечикам и гирлянды обращенных вершинами вверх треугольников по тулову (рис. 1, 2, 3). Эти узоры отличаются только формой треугольников в зоне венчика: на одном сосуде они косые, на другом — равнобедренные. Для последнего сосуда характерна более «небрежная» манера в исполнении орнамента и в обработке внутренней поверхности. Типологически близкий сосуд был обнаружен в мог. 2: косые треугольники на венчике, однотипный меандр на плечиках и пояс из гирлянд треугольников на тулове, причем в последнем случае схема узора была явно нарушена (рис. 1, 6). Другой сосуд из этой могилы украшен по венчику заштрихованными треугольниками, а по плечикам и тулову — четырьмя зигзагами из трех линий, выполненных гребенчатым штампом (рис. 1, 5). Идентичность типолого-морфологических признаков и размеров сосудов в двух могилах кург. 1 не только определяет их общую культурно-хронологическую принадлежность, но, вероятно, указывает на определенную социальную или кровнородственную близость погребенных.

Сосуды из кург. 3 более разнообразны как по форме, так и по характеру орнаментации. По высоте они образуют три пары. У первой пары (сосуды 1 и 5 — рис. 3, 2, 6) этот показатель такой же, как и у сосудов из кург. 1. На обоих сосудах венчик украшен широким поясом каннелюр. На одном из них орнаментальная композиция этим ограничена, на другом она включает также пояс горизонтальной «елочки», выполненной гребенчатым и гладким штампами на тулове (рис. 3, 2). Вторая пара сосудов (№ 4 и № 6) представлена банками. На одной из них по краю и верхней части венчика нанесены оттиски гребенчатого штампа, ниже располагается пояс каннелюр и заключает композицию покрывающая все тулово сосуда горизонтальная «елочка» (рис. 3, 5). Второй сосуд украшен вертикальной «елочкой»; образованные ею треугольники в зоне венчика дополнены расположенными вертикально оттисками гребенчатого штампа (рис. 3, 7). Третья пара представляет самые низкие сосуды из этой могилы — гладкий горшок с отогнутым венчиком — сосуд № 2 (рис. 3, 3) и сосуд баночной формы со сложной орнаментальной композицией (сосуд 3).

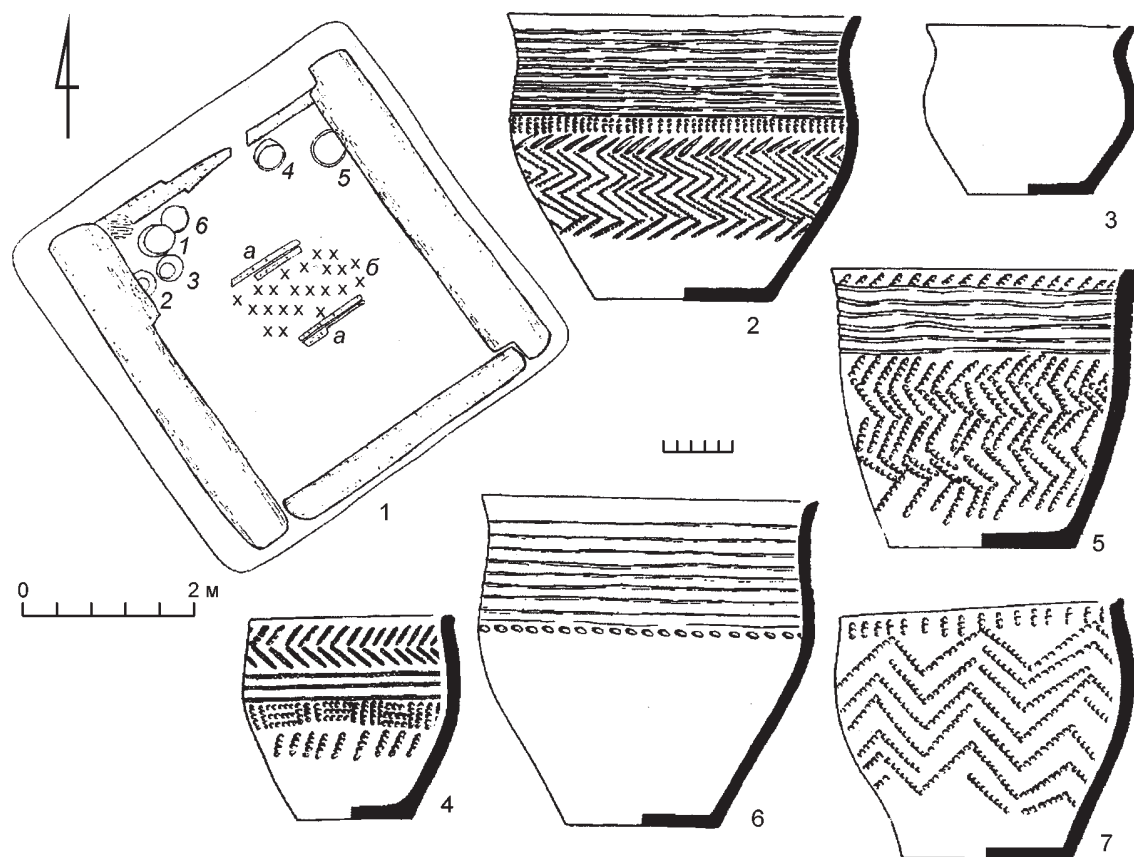

Рис. 3. Могильник Юрман I, кург. 3, мог. 1: 1 — план (1–6 — сосуды; а–в — см. рис. 1); 2–7 — сосуды 1–6

Fig. 3. Yurman I cemetery, barrow 3, grave 1: 1 — plan (1–6 — vessels; а–в — see Fig. 1); 2–7 — vessels 1–6

Она включает горизонтальную «елочку» в зоне венчика, бороздки, пояс из мотивов «паркетного» орнамента и ряд наклонных оттисков штампа (рис. 3, 4).

Для всех орнаментированных сосудов из кург. 3 характерно использование крупнозубчатого штампа, что, наряду с другими признаками (некоторая «небрежность» исполнения, нарушение схемы и границ поясов, орнаментированный край венчика, использование в композиции «паркетного» мотива), придают этой серии сосудов черты своеобразия, что, возможно, связано с инокультурными традициями. В этом отношении интересно, что некоторые признаки рассматриваемых сосудов напоминают баночную керамику из могильника «Стрелка» на севере Хакасии, орнаментация которой рассматривалась как отражение андроновского влияния на окуневскую культурную традицию в северных районах ее распространения (Савинов 1981: 114–115). Не исключено, что особенности керамики могильника Юрман I вообще были характерны для части андроновских племен, обитавших в смежных районах Минусинской и Кузнецкой котловин; однако данное предположение требует специального обоснования.

Из других предметов особого внимания заслуживает бронзовый кинжал из кург. 2. Случай находки кинжала в погребении андроновской культуры на юге Западной Сибири — явление исключительное. Кинжал из Юрмана I имеет плохую сохранность,

металл хрупкий, сильно метаморфизированный, что, возможно, объясняется пребыванием предмета в огне, хотя под курганом находилось труположение (рис. 2, 2). Скорее всего, можно предполагать ритуальное назначение этого кинжала, находящегося не на поясе, а положенного вместе с сосудами в головах погребенного.

Раскопанные погребальные сооружения могильника Юрман I, несмотря на характерный для похоронного обряда андроновской культуры «биритуализм», представляют явно одновременный комплекс. Памятники фёдоровского этапа (культуры) в Южной Сибири датируются XV–XIII вв. до н. э. Некоторые отличия между курганными комплексами связаны с тем, что узор посуды из кург. 3 отражает процесс «варваризации» культурной традиции, а особенности могильного сооружения, сопровождающий инвентарь, размеры горшков и характер орнаментальных композиций из кург. 2 определяют, по-видимому, социальный статус погребенного.

Анализ рассматриваемых материалов в системе известных андроновских погребальных комплексов Кузнецкой котловины позволяет отметить такие специфические черты курганов могильника Юрман I, как нахождение в углу погребальной камеры двух и более сосудов (кург. 2 и 3), помещение в могилу кинжала (кург. 2), случаи трансформации орнаментальных композиций (кург. 3).

Вместе с тем исследованные курганы характеризуются рядом признаков, свойственных и другим андроновским памятникам Кузнецкой котловины. Некоторые из них имеют распространение и в более широких пределах андроновского ареала, прежде всего в лесостепных районах. Одним из таких признаков является заполнение могильных ям материковым грунтом, в результате чего они выделяются как на уровне погребенной почвы, так и на уровне материка белым прямоугольным пятном (установлено, что лессовый и супесчанистый грунт в перекопанном виде в течение нескольких дней приобретает беловатый цвет и пылевидную структуру). Впервые на это обратил внимание один из авторов статьи В. В. Бобров при раскопках могильников андроновской культуры Титовского и Танай I. Во всех случаях такие погребения связаны с обрядом трупосожжения.

Другим специфическим признаком является конструкция внутримогильного сооружения в виде одно- или двухвенцовой рамы из бревен или бруса хвойных пород. При этом в Кузнецкой котловине принцип сооружения рам «в паз» связан только с погребениями по обряду кремации. Можно отметить также различия в характере покрытия. В могилах с кремированными погребенными покрытие сплошное и однородное по размерам плаха; в могилах с труположениями мощное покрытие располагается над головой погребенного, в ногах оно отсутствует или сделано из жердей и тонких досок. Отмеченные признаки можно рассматривать как дополнительные для андроновского «биритуализма».

Особого внимания заслуживает зафиксированная в Юрмане I практика установки на перекрытиях внутримогильных сооружений деревянных столбов, достигающих до уровня древней поверхности. Подобные столбы встречаются не только в погребениях Кузнецкой котловины (Бобров, Михайлов 1989), но и в захоронениях Среднего Енисея, где они известны наряду с каменными столбами (Рахимов 1968: 70–75; Максименков 1978: 42–44; Киселёв 1935: 206–210). Столбы в андроновских погребальных сооружениях по своему значению сопоставимы с другими видами вертикально установленных «знаков», в частности, оленными камнями и стелами предшествующей и последующей эпох (Бобров 1992а). В каждом погребении

со столбами отчетливо выявляется семантическая «связка» из трех компонентов: остатки сожжения — сосуд — вертикально установленный над ними столб или иной «знак» — «коммуникативная ось» для общения мертвых и живых?

Сделанные наблюдения по раскопкам могильника Юрман I, вероятно, получают новые подтверждения при дальнейших раскопках, но удивительная духовная культура андроновцев-индоиранцев просматривается и на этом этапе исследования памятника.

Литература

Бобров 1992a — *Бобров В. В.* К проблеме вертикально установленных объектов в погребениях эпохи бронзы Сибири и Казахстана // Массон В. М. (отв. ред.). Северная Евразия от древности до средневековья: Тезисы конф. к 90-летию со дня рождения М. П. Грязнова. СПб.: ИИМК РАН, 1992. С. 54–57 (АИ. Вып. 2).

Бобров 1992b — *Бобров В. В.* Кузнецко-Салаирская область в эпоху бронзы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1992. 40 с.

Бобров, Михайлов 1989 — *Бобров В. В., Михайлов Ю. И.* Памятники андроновской культуры в Обь-Чулымском междуречье // ИНИОН. № 38518 от 26.06.1989. Рукопись. 198 с.

Грязнов 1927 — *Грязнов М. П.* Погребения эпохи бронзы в Западном Казахстане // Руденко С. И. (ред.). Казаки. Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных Республик. Серия Казакстанская. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. Вып. 11. С. 172–221.

Грязнов 1956 — *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 160 с. (МИА. № 48).

Зданович 1988 — *Зданович Г. Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск: Изд-во Уральского ГУ, 1988. 184 с.

Кирюшин 1985 — *Кирюшин Ю. Ф.* Итоги и перспективы изучения памятников энеолита и бронзы Алтая // Васильевский Р. С. (отв. ред.). Проблемы древних культур Сибири: сб. науч. ст. Новосибирск: Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, 1985. С. 46–53.

Киселёв 1935 — *Киселёв С. В.* Андроновские памятники близ с. Усть-Ерба в Хакасии // СЭ. 1935. № 4–5. С. 206–210.

Комарова 1962 — *Комарова М. Н.* Относительная хронология памятников андроновской культуры // АСГЭ. 1962. Вып. 5. С. 50–75.

Косарев 1965 — *Косарев М. Ф.* О культурах андроновского времени в Западной Сибири // СА. 1965. № 2. С. 242–246.

Косарев 1981 — *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 282 с.

Кузьмина 1975 — *Кузьмина Е. Е.* О соотношении типов андроновских памятников (по материалам Кинзерского могильника) // Кожин П. М. и др. (отв. ред.). Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука, 1975. С. 220–230.

Кузьмина 1985 — *Кузьмина Е. Е.* Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности // Информационный бюллетень Междунар. ассоциации по изучению культур Центральной Азии. 1985. Вып. 9. С. 23–33.

Кузьмина 1988 — *Кузьмина Е. Е.* Культурная и этническая атрибуция пастушеских племен Казахстана и Средней Азии в эпоху бронзы // ВДИ. 1988. № 2. С. 35–59.

Максименков 1978 — *Максименков Г. А.* Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978. 190 с.

Матющенко 1973 — *Матющенко В. И.* Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Томск: Томский ГУ, 1973. Ч. 1. 184 с. (Из истории Сибири. Вып. 11).

- Молодин 1985 — *Молодин В. И.* Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
- Потёмкина 1985 — *Потёмкина Т. М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 236 с.
- Рахимов 1968 — *Рахимов С.* Андроновская стоянка и могильник на р. Сыде (Красноярский край) // КСИА. 1968. Вып. 114. С. 70–75.
- Савинов 1981 — *Савинов Д. Г.* Окуневские могилы на севере Хакасии // Троицкая Т. Н. (отв. ред.). Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск: Наука, 1981. С. 111–117.
- Сальников 1951 — *Сальников К. В.* Бронзовый век Южного Зауралья // Брюсов А. Я. (ред.). Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. М.: Наука, 1951. Т. 2. С. 94–151 (МИА. № 21).
- Сальников 1967 — *Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.
- Стоколос 1972 — *Стоколос В. С.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М.: Наука, 1972. 169 с.
- Теплоухов 1927 — *Теплоухов С. А.* Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. Л.: ГРМ, 1927. Т. 3, вып. 2. С. 57–112.
- Теплоухов 1929 — *Теплоухов С. А.* Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Л.: ГРМ, 1929. Т. 4, вып. 2. С. 41–62.
- Фёдорова-Давыдова 1973 — *Фёдорова-Давыдова Э. А.* К проблеме андроновской культуры // Смирнов А. Н. (отв. ред.). Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 133–152.

REFERENCE SITE OF THE ANDRONOVO CULTURE IN THE KEMEROVO OBLAST

D. G. SAVINOV, V. V. BOBROV

Keywords: *Andronovo culture, local variant, cemetery, burials, composition of burial goods, vertically set objects, biritualism, cremation, pottery.*

The Andronovo epoch was the most important one in the history and cultural development of the pastoralist tribes who inhabited the eastern part of Steppe Eurasia. At the present stage of research dealing with the sites of the Andronovo cultural-historical unity (middle of the 2nd millennium BC), the priority is given to the analysis of their regional peculiarities and to the study of specific traits of cultural histories in different parts of the Andronovo area. Due to intensive archaeological field works, a considerable number of Andronovo sites has been discovered and studied in the Kemerovo oblast. One of these is the cemetery of Yurman I, which includes about 10 burial constructions. Three of them were excavated and yielded new interesting materials contributing to our understanding of the Andronovo cultural complex as a whole. They are characterized by deep grave pits, the surface of which is marked with a layer of light colored earth (white color is the color of Zoroastrianism), and wooden posts reaching the level of ancient surface (a means of communication between the worlds of the living and the dead). One of the burials yielded a bronze dagger of the Srubnaya-Andronovo type (a unique find for the period in question) and several vessels found in the corner of the burial chamber. Worthy of note are specific traits seen in the ornamental pattern. All in all, the Yurman I cemetery can be considered a reference site for the Kemerovo variant of the Andronovo culture.